

Актеры и роли

ОЧАМИ СВЕЖИМИ ПРОЧЕСТЬ

Среди актеров—победителей творческого конкурса областного отделения Всероссийского театрального общества на лучшую роль 1983 года в театрах Свердловска назван Виталий Петров из театра оперы и балета. Он удостоен этой чести за воплощение партии Самозванца в «Борисе Годунове» М. Мусоргского. Рассказ о молодом певце читайте на 3-й странице газеты.

На снимке: В. ПЕТРОВ.

Фото Ю. Подкидышева.

Опера. Уже много лет вокруг нее не смолкают споры. Дебатируется сама возможность дальнейшего существования этого жанра. Оперу обвиняют в равнодушии к зрителю, в отсутствии жизненного правдоподобия, в статичности, старомодности, приверженности штаммам, да мало ли в чем еще! Нельзя сказать, что творцы жанра остаются безучастными к этим упрекам. В последнее время мы стали свидетелями разнообразных экспериментов как у нас в стране, так и за рубежом. Были и редкие удачи и частые поражения, однако, быть может, самое парадоксальное заключалось в том, что преобразования в большинстве случаев не затрагивали главного действующего лица оперной сцены — певца. Но ведь если старая добрая опера привычно прощала вокалисту актерские слабости за музыкальные, за красоту и диапазон голоса, то сегодняшний зритель прощать не хочет. Он идет в театр, чтобы услышать и увидеть певца-актера. И число их растет, хотя и не так стремительно, как хотелось бы.

Молодой солист Свердловского театра оперы и балета Виталий Петров, придя в коллектив после окончания Воронежского института культуры и имея за плечами лишь небольшой опыт сценической работы в Воронежском театре оперы и балета, сразу же ощутил всю сложность ситуации в избранном жанре. Будем откровенны, эти проблемы мучают далеко не каждого вокалиста. Но мой разговор с Виталием Петровым неизменно возвращался к его размышлениям о том, как жить на сцене, как подступаться к новым образам, что изменять в себе, своем облике, своей манере пения и игры. Именно это и было для меня неожиданным: ведь передо мной сидел человек, которому природа, придачу к полетному, юношески светлому голосу красивого тембра, подарила еще и сценическое обаяние, словно высвечивающее облик воплощаемых им персонажей. Дар редкий!

Ну, а с другой стороны... Лирический тенор — это не просто определенный диапазон голоса и его особая окраска. Это

еще и амплуа — определенный характер, строй мыслей и чувств, своеобразная душевная конституция героя. В. Петров близок большинству своих персонажей, их переживания и ощущения легко становятся словно бы его собственными. Не случайно он говорит, что из всех сыгранных им ролей особенно созвучен ему Ленский — самый лиричный, самый искренний и беззащитно открытый герой мировой оперной классики. Для тех, кто близко знаком с Петровым, выдвижение этой роли на первый план в некротом перечне его работ кажется совершенно закономерным.

Судьба Ленского, спетого и сыгранного Петровым, — не драма любви, а трагедия одиночества человеческой души. Трагедия, совершившаяся гораздо ранее рокового выстрела и прозвучавшая уже в ариозо «В нашем доме». Ленский верит в существование тех ценностей, о которых окружающие его люди и не помышляют или забыли. В отличие от Онегина, защищенного от пошлости жизни броней скептицизма, он смертельно уязвим. Знаменитая ария перед дуэлью становится рекеммом по утраченному надеждам. Линия судьбы Ленского прочерчивает будущий путь Татьяны, бросая и на нее свой трагический отсвет...

Войдя в старый, давно идущий спектакль, В. Петров сумел создать образ, обогащающий общую его идею. Но как быть при встрече с характерами, далекими и даже враждебными собственному внутреннему миру?

Жизнелюбие Герцога, спетого В. Петровым в «Риголетто», — свойство, в основе своей привлекательное, незаметно переходящее в цинизм, в откровенное паразитирование на ниве жизни. Нова ли такая трактовка? Нет, она лишь полностью отвечает тому, что мы находим в партитуре Верди. Модная погоня за новизной концепции приучила нас сейчас, как никогда ранее, ценить уважение к авторскому замыслу. Конечно, в работе над ролью у В. Петрова еще много проблем: линия развития образа может быть четче прочерчена, иногда за конкрет-

ным, живым человеком нет, да и прокльзывают черты абстрактного «оперного тенора».

Справедливости ради надо заметить, что рождение законченного, полнокровного образа в этом спектакле вряд ли возможно. Сейчас на представлениях «Риголетто» зритель становится свидетелем героического единоборства актеров с вмпучными нелепостями этой достаточно ветхой постановки.

А вот последняя работа В. Петрова — роль Самозванца в недавней премьере оперы М. Мусоргского «Борис Годунов» стала и одной из самых интересных работ спектакля. В этой роли Петров проявил неожиданную для него склонность к поиску острой внешней характерности персонажа, сумел найти точные краски, детали. Самозванец в его трактовке совершенно утратил черты лирического героя, которыми его привычно наделяли. Его любовь к Марине Мишек сродни честолюбию, движущему им.

Никакой внешней и внутренней идеализации образа: рыжий, нескладный, с обезображенным бородавками лицом, он и внутренне искорежен раздирающими его страстями. Плебейская суть натуры выдает себя и в самых трепетных порывах души. И даже вера в свое высокое предназначение, постепенно овладевающая им, возвышает его лишь в собственных глазах. Непомнящие политические амбиции Самозванца, его наглый авантюризм расцветают на благодатной почве смутного времени, выдвигая его на арену истории все новых и новых честолюбцев.

Мусоргский с масштабностью, драматической мощью, живописностью его музыки дал прекрасное поле для творческих поисков и всего постановочного коллектива и молодого певца, еще раз напомнив о том, какой неиссякаемый художественный клад его еще не освоенное до конца, не расшифрованное нами музыкальное творчество.

Партия Самозванца — новая страница в биографии певца еще и потому, что от вчерашнего лирического тенора потребовала новой манеры вокала, более напряженной, драматичной. И хотя овладеть всем этим очень непросто, думается, что В. Петров отчасти был подготовлен к подобному ис-

пытанию некоторыми предыдущими своими работами, прежде всего в области современной музыки.

Удивительна та энергия, с которой певец берется за воплощение современного репертуара. Вокалисты обычно делают это не очень охотно, и их можно отчасти понять: композиторы — современники зачастую равнодушны к удобствам голоса, да и интонации современной музыки сложны для слуха и для пения. В. Петров смело решается на исполнение новых произведений. Вероятно, не только потому, что умеет подчинить свой голос их особенностям, но и потому, что и он сам, и слушатели могут не опасаться за его всегда безупречную интонацию. Риск окупается новыми интересными ролями. Такими, как Эртаоз в «Чудаках» О. Тахташвили, Кай в «Снежной королеве» В. Баневича, Сергей в телеопере В. Кобакина «Сапожки».

Об этой последней работе певец вспоминает с особой радостью, словно бы забывая о трудном этапе освоения вокальной партии. Наверное, так и должно быть. Ведь в преодолении сложностей — суть ремесла, а как награда за труд приходит творчество. Мы видим, как на наших глазах, почти не измененные гримом и костюмами В. Петров и С. Зализняк превращаются в деревенскую супружескую пару, живущую такой простой и вместе с тем такой мудрой жизнью. И телеэкран, беспощадный экзамен которого далеко не всегда выдерживают оперные певцы, еще раз подтвердил право этих актеров на нашу любовь к ним.

Сегодня В. Петрову много помогают его концертмейстеры Е. Арефьева и Т. Кац. С ними он делает оперные партии и камерные программы на радио и телевидении (это особая и очень интересная область его работы). Рядом и его постоянная партнерша и наставник певица С. Зализняк. Эти люди, их советы и замечания молодому артисту совершенно необходимы. Но, может быть, еще важнее ему сейчас живое участие зрительного зала, пристально заинтересованного, неравнодушного к его победам и поражениям. Актеру оперы сегодня, как никогда раньше, нужен талантливый зритель. С ним вместе и для него он растет.

М. РАКУ, музыковед.